

ТРАДИЦИИ РУССКОГО ФОЛЬКЛОРА РЕСПУБЛИКИ МАРИЙ ЭЛ (НА МАТЕРИАЛЕ НАРОДНОГО КАЛЕНДАРЯ ВЯТСКИХ ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ)

ТАТЬЯНА АРКАДЬЕВНА ЗОЛотоВА

(Марийский государственный университет: Российская Федерация, Республика Марий Эл, 424000, г. Йошкар-Ола, пл. Ленина, д. 1)

НАТАЛЬЯ ИГОРЕВНА ЕФИМОВА

(Марийский государственный университет: Российская Федерация, Республика Марий Эл, 424000, г. Йошкар-Ола, пл. Ленина, д. 1)

ЕКАТЕРИНА АНДРЕЕВНА ПЛОТНИКОВА

(Марийский государственный университет: Российская Федерация, Республика Марий Эл, 424000, г. Йошкар-Ола, пл. Ленина, д. 1)

***Аннотация.** В настоящей статье предложено описание календарных обрядов (зимних, весенних, летних и осенних) в пределах одной локальной традиции. В основе статьи — материалы, собранные на территории северо-восточной части Республики Марий Эл (Мари-Турекский, Новоторъяльский, Сернурский, Куженерский, частично Килемарский районы) по единой программе фольклорными экспедициями Марийского государственного университета в Республике Марий Эл (руководитель — профессор Т.А. Золотова) на протяжении последних десятилетий XX в. и первых десятилетий XXI в.. Они представляют собой хронологический срез календарного фольклора 20–30-х годов XX века. Выводы о региональном своеобразии народного календаря вятских переселенцев РМЭ делаются на основе сопоставления определенных обрядовых действий всех населенных пунктов в пределах одного района, затем районов между собой и, наконец, всего контента календаря вятских переселенцев с календарно-обрядовыми традициями и фольклором Кировской области. Среди обрядовых действий и текстов для специалистов в данной области интерес могут представлять описания традиций ряженья и гаданий в период зимних Святков, катаний на шестах на Масленицу, действий с троицкой березкой, а также текстов подблюдных гаданий, вечерочных (гулевых) песен, хороводных (круговых) и троицких песен.*

***Ключевые слова:** народный календарь, Республика Марий Эл, вятские переселенцы, этнографические описания, тексты, анализ.*

Исследование выполнено в рамках выполнения гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых – кандидатов наук (Конкурс – МК-2019); научно-исследовательской работы государственного задания Министерства образования и науки Российской Федерации, проект № 34.7602.2017/8.9.

***Дата поступления статьи:** 25 июля 2019 г.*

***Дата публикации:** 10 декабря 2019 г.*

***Для цитирования:** Золотова Т. А., Ефимова Н. И., Плотникова Е. А. Традиции русского фольклора Республики Марий Эл (на материале народного календаря вятских переселенцев) // Традиционная культура. 2019. Т. 20. № 5. С. 35–52.*

***DOI:** 10.26158/TK.2019.20.5.003*

Республика Марий Эл не фигурирует среди архаических фольклорно-этнографических зон России, разделяя судьбу так называемых "поздневторичных регионов". Формирование русского населения здесь происходило «в условиях существования русской народности уже как этнической общности, путем массовых и не столь крупных переселений как более или менее целостных коллективов, так и разрозненных групп» [Путилов 1994, 150]. Миграции русского населения по преимуществу с севера России (Новгородские земли) и ее центральных областей обратили на себя внимание уже в период XVI–XVIII вв. [Иванов 1995], приобрели интенсивный характер в XIX в. [Смирнов 1889; Козлова 1964; Козлова 1978].

В статье представлены материалы русского календарного фольклора северо-восточной части Республики Марий Эл, заселенной по преимуществу вятскими переселенцами (Мари-Турекский, Новоторъяльский, Сернурский, Куженерский, частично Килемарский р-ны). Они фиксировались в процессе экспедиционной работы студентов и преподавателей Марийского государственного университета (МарГУ) в 70–80-х годах XX в.; повторные записи осуществлялись в 2012–2016 г. Попытка выявления регионального своеобразия народного календаря данной группы населения осуществлялась на основе сопоставления обрядовых действий всех населенных пунктов в пределах одного района, затем районов между собой и, наконец, всего контента календаря вятских переселенцев с календарно-обрядовыми традициями и фольклором Кировской области [Иванова 1995; Поздеев 1998].

Как показывают результаты сравнительного анализа, в данном ареале бытуют практически все известные в Кировской области жанры календарного фольклора. В частности, в архиве МарГУ представлены подробные описания зимних, весенне-летних и осенних обрядов, а также тексты таусеневых, вечерочных (гулевых), масленичных, троицких и хороводных (круговых) песен.

ЗИМА

Календарный цикл северо-восточной части РМЭ (Мари-Турекский, Новоторъяльский, Сернурский, Куженерский р-ны), как и в метрополии (Кировская область), открывался

святочно-рождественскими обрядами (с 24 декабря по 6 января по ст. ст.). В ряде населенных пунктов (с. Хлебниково, д. Юмочка, Мари-Турекский р-н) Рождество к тому же являлось и престольным праздником. Случаи «поднятия икон», крестного хода исполнителями не отмечены. Однако атмосфера всеобщего веселья, приподнятости, оживления царит во всех имеющихся описаниях. «Рождество начинается с разговления. Приезжают гости, гуляют, ночуют обычно по два — три дня» (Е. Е. Симонова, с. Хлебниково, Мари-Турекский р-н), «Наша деревня большая была, 120 дворов. На Святки собирались все молодцы» (Г. В. Селюнина, п. Сернур).

ОБХОДЫ ДОМОВ

Обходы домов на Святки представляются основательно забытыми. Так, М. В. Комелина (Юледур, Куженерский р-н) рассказывала: «О колядках слыхала: старые люди раньше пели»; но сама исполнительница их уже не помнит. Жительницы Мари-Турекского района также вспомнили об их бытовании. У. И. Перминова (д. Русская Мосара), например, отметила, что «на Святки по домам ходили взрослые мужчины, пели коляду», ею исполнен и отрывок из колядки-просьбы:

Коляда, коляда,
Не подашь пирога —
Уведу корову за рога,
Мерина за хвост,
Кобылу за гриву».

М. А. Стрельникова (с. Хлебниково) припомнила начало колядки-величания с пожеланием богатства:

Пришла коляда
На канун Рождества,
Мы ходили, мы искали
По всем дворам...».

Об обрядах обходов домов на Святки упомянула и Г. В. Селюнина (п. Сернур): «Ходили по домам, пели колядки:

Коляда, коляда,
Подай пирога.
Не подашь пирога —
Уведем корову за рога».

В Новоторъяльском районе удалось записать полные варианты таусеня [см. об этом подробно: Золотова 1997]. Причем их исполнительница, Е. И. Терехина (д. Исуйка), отметила, что исполняли такие песни ряженные.

Если обходы дворов на Святки ушли на периферию обрядовой жизни, то свидетельства об обычае так называемого «славления» зафиксировано большое количество. Е. Е. Симонова (п. Хлебниково, Мари-Турекский р-н) рассказывала: «Славили обязательно. Ходили обычно подростки по два или четыре человека». К. А. Вершинина (с. Хлебниково, Мари-Турекский р-н) подчеркивала, что обряд этот совершался утром: «Рано-рано шли по домам с котомками». При этом многие из наших исполнительниц (Е. Е. Симонова, М. В. Стрельникова, З. В. Хлебникова, Мари-Турекский р-н и др.) в детстве были активными «славильщиками»: «Насбирывали много» (Е. Е. Симонова, с. Хлебниково, Мари-Турекский р-н), «Пройдешь по домам, мешочек соберешь и отцу же продашь, а он тебе — денег!» (М. В. Стрельникова, с. Хлебниково, Мари-Турекский р-н). Одежали в данной местности обычно мукой: «Просто насыпали в мешок ковшичком» (Е. Е. Симонова, с. Хлебниково, Мари-Турекский р-н).

РЯЖЕНЬЕ

Практически все исполнители ареала упоминали о традициях ряженья. В Мари-Турекском районе сохранилось архаическое обозначение его участников — «шаликуны». Оно известно в ряде этнодиалектных зон Русского Севера и Сибири и подчеркивает связь ряженных с миром сверхъестественного, демонического. «Шаликуны» — выходцы с того света, поэтому их опасались и одновременно стремились заручиться поддержкой: приглашали в дома, угощали. А. К. Чугунова (с. Хлебниково, Мари-Турекский р-н) вспоминала: «В страшные вечера говорили, что шаликуны ходят. Так называли ряженных. Маленьких ими пугали: "Смотри, сиди спокойно, а то шаликуны сейчас придут".»

Ряженные, как правило, не имели своего лица. Так, в ряде свидетельств, зафиксированных в Мари-Турекском районе, фигурируют вывороченные наизнанку шубы и шапки, бороды из лыка, вымазанные сажей либо прикрытые масками из бумаги лица, горбы, длинные сарафаны и т. д. Появлялись и этнические персонажи: цыганки и марийки. Однако мотивировки «странностей» костюмов ряженных уже вполне современны. «Рядились так, рассказывала А. В. Комелина, чтобы никто

не узнал» (А. В. Комелина, д. Русский Ноледур).

В Новоторъяльском районе сохранились свидетельства о ряженьи медведем и волком. И в том и в другом случае выворачивали наизнанку овчиную шубу, в рукава продевали руки. Для костюма «медведя» использовали настоящую медвежью шкуру. Водили такого персонажа на цепочке. Заставляли петть, плясать. «Волк» бегал на четвереньках из дома в дом, пугал ребятишек. Появлялся в святые вечера и «черт»: тоже в овчинных шубе и шапке, лицо завешено марлей, непременный атрибут — бычий хвост. Костюмы остальных персонажей ряженья достаточно условны: лошадь — под пологом двое молодых мужчин «ногами скребут»; цыганки — широкие цветные юбки и шали; жених и невеста — нарядно одетые молодые люди; солдат — обязательно женщина в шинели, фуражке, с нарисованными углем усами.

Очень популярным в Новоторъяльском районе было и переодевание мужчин в женское платье и наоборот. При этом надевались брюки с брючинами разного цвета, на одну ногу лапоть, на другую — валенок; лица завешивали марлей или тюлем, краской рисовали глаза, брови, нос и губы.

Были и персонажи устрашающего характера. Рядились покойником. А. И. Чепайкина (с. Елембаево), еще заставшая такой тип ряженья, воскликнула: «Страсть божья! Белым закрыт... На вечерку принесут все перепугаются». Подробное описание «покойничьей игры» сделала П. И. Трегубова (с. Елембаево): «... у "покойника" белая рубаха и кальсоны, лицо накрыто простыней, чтоб не узнали. Делали из досок гроб, в нем и носили из дома в дом покойника. Заходили в дом, спрашивали: «Можно занести вам снарядчика?» Потом гроб занесут, поставят на лавку посреди избы. Дети режут, девки на печь лезут. В последнем доме "покойник" вставал, открывал лицо — его узнают, радуются, смеются!»

Любопытно, что в домах и на улице в Новоторъяльском районе ряженные вели себя по-разному. По улицам ходили с ухватками, батогами, сковородниками. Шумели. Стаскивали с саней проезжающих и валяли в снегу. Тех, кто случайно их задевал или трогал за одежду, били со всего

маху онучами. В домах ряженые желали хозяевам здоровья, счастья.

В Куженерском районе зафиксирован практически полный набор известных в Волго-Вятском регионе представителей «инога» мира: «старики», «старухи», женщины в мужском платье и наоборот, «цыганки», «марийки», «солдаты». Обычны упоминания об использовании сажи и выворачивании наизнанку. Также зафиксированы и «покойницкие игры». В пересказе Ф. П. Шутылевой (пос. Куженер) сохранены все основные действия данного

обряда: «У нас снарядилась одна покойником. Занесли ее в дом, положили середь избы. Один, как поп, отпевает. Подойдут к ней — щерится (показывает зубы — Т. З.). Не засмеется даже! Вот какая крепкая была! На улицу выскочила — да за нам, так мы ведь, ой, бежали без ума! Еще бы — покойник — и бежит!»

В Сернурском районе ряженые воспринимались, с одной стороны, как персонажи «страшные»: шубы наизнанку, «всякие ремки», лица в саже, в руках — маски; «они в них лампу засунут и прячутся под окошками, стучат, пугают» (Т. Г. Глазырина, п. Сернур), с другой стороны, комические: «Пели песни, плясали» (А. Г. Ведерникова, п. Сернур); «смешили всяко» (Т. Г. Глазырина, п. Сернур).

С ряжеными в данном районе связывается и идея «ритуальных бесчинств»: «Дверь подпирали. Трубу закладывали. Елки притаскивали из лесу» (А. Ф. Ярыгина, пос. Куженер). В этом ряду особенно любопытны действия с елкой. Они знаменовали своего рода переход от активных акций (обряды обходов домов) к пассивным (различного рода гадания).

На Крещение все участвующие в ряженьи молились, «просили Бога простить грехи», известны случаи очищения (купание в проруби, кропление святой водой).

ГАДАНИЕ

Одним из самых любопытных развлечений святочно-рождественского периода были гадания. В ареале сохранена одна из собственно славянских его форм, так называемые «подблюдные гадания». Участниками экспедиции записано большое количество свидетельств относительно его сущности и особого поведения гадающих.

Специфичным для данной местности можно считать установление определенных сроков осуществления гадания и их связь с «нечистью»: «Гадали только на Новый год. На Рождество еще черти не пришли. Потом придут» (М. А. Куклина, д. Визимка).

Гадали, как правило, в специально отведенных местах. Среди них часто фигурировала «караушка». Так называли домик, в котором жил сторож, хранящий деревню от пожара. Караушка обычно размещалась в середине деревни и «как бы делила ее на две части» (Е. Е. Симонова, с. Хлебниково).

Гадали в основном девушки. Однако имеется ряд свидетельств о том, что в гаданиях участвовали замужние женщины и даже старухи. Е. Л. Наумова (с. Хлебниково) утверждала: «[Приходили] парни, девушки и старухи. Старушки сидели за столом и пели илею» (аналогично: К. П. Соловьева, д. Сукма, Е. И. Волкова, д. Крупино; Н. В. Касьянова, с. Хлебниково).

Первоначально в блюдо складывали кусочки хлеба, их приносили с собой участники гадания, накрывали платком и «опевали» (так в Мари-Турекском районе называли исполнение знаменитой «Славы хлебу»):

Еще ходит Илея по полю,

Считает суслончики:

Из первого суслончика —

Пиво варить,

Из второго суслончика —

Вино курить.

А из третьего суслончика —

Хлеб пекчи.

Мы над хлебом поем,

Хлебу честь воздаем.

(А. П. Маландина, д. Крупино).

Кусочки хлеба отдавали гадающим, и те по возвращении домой клали их под подушку; «завечали»: кто во сне привидится, тот и жених (Е. Е. Симонова).

Сам процесс подблюдных гаданий сводился к следующему: (после «опевания» хлеба — Т. З.) кольчики собирали. Каждая свое кольцо запоминавала: кто ниточку привяжет, если колечко серебряное — по пробе. Складывали в блюдо, закрывали и пели. Ведущая мечет кольчики и ловит сквозь платок. Чье кольцо — тому и песня. Обязательно пели одну песенку хорошую, а другую — плохую» (Е. Е. Симонова, с. Хлебниково):

Твори, мама, тесто,
Пеки пироги.
К тебе едут гости,
Ко мне женихи.
Илею, илею!
А кому эта песенка достанется,
Илею, илею!
Тому выльется, тому сбудется,
Илею, илею!
(к свадьбе)
(Фольк. анс. «Веселые бабушки», с.
Косолапово)

А на Новый год —
Сосновый гроб.
Илею, илею!
А кому эта песенка достанется,
Илею, илею!
Тому выльется, тому сбудется,
Илею, илею!
(к смерти)
(Фольк. анс. «Веселые бабушки», с.
Косолапово)

Подблюдные гадания зафиксированы и на территории Новоторъяльского района. Молодые девушки собирались в одной из изб, складывали в блюдо принадлежащие им кольца, серьги, булавочки и др.; водящая накрывала их платком и подбрасывала. В этот момент звучала та или иная песня. Чей предмет оказывался пойманным (через платок) водящей, того ожидала предсказанная песней судьба: богатство, свадьба, разлука, болезнь, смерть (Н. Д. Михеева, д. Тушнурята). Необходимо отметить, что именно в данном районе записаны наиболее полные и в художественном отношении яркие тексты, при этом в ряде случаев предсказания, по сравнению, например, с мари-турецкими текстами, видоизменялись.

Известны подблюдные гадания и в Сернурском районе. (К. А. Мошкина, пос. Сернур) попыталась объяснить участникам экспедиции, как они осуществлялись, и даже спела несколько из них: «Колечки свои положат, каждая заприметит. Вот одну песню спуют. Вытащат. Чье колечко? Вот этой и песня. Много песен-то было».

По сравнению с пограничными Новоторъяльским и Сернурским районами в Куженерском районе данная традиция практически сведена на нет. Отрывочные описания получены от Ф. П. Шутылева (с. Басалаево) и З. И. Зауселкова (д. Визимка). Несколько более подробное описание с текстами предложено З. В. Мочаловой (Русские Шои): "Илею" пели взрослые женщины. Каждая давала свой фантик. Фантики складывали в блюдо, закрывали. Потом мечут, на какую песню фантик выпадет. Одной женщине ворожили, выпал "саван", и она под поезд попала».

Надо сказать, что умение петь «илею», видимо, высоко ценилось среди знатоков народных традиций ареала. Так, одна из самых талантливых исполнительниц А. С. Кропотова (пос. Куженер) призналась: «Мне очень хотелось "илею" научиться, но так нигде ее и не услышала».

В целом текстов подблюдных гаданий (по сравнению с материалами Кировской области) [Иванова 1995] в данном ареале РМЭ записано значительно меньше; изменилось и отношение к ним исполнителей. Большинство из них воспринимают подблюдные гадания как нечто несерьезное, называют их «частушками» (Е. Е. Симонова, М. В. Стрельникова, Л. С. Колобова, с. Хлебниково). Отсюда, возможно, и появление песен с эротическим подтекстом.

ВОРОЖБА

Особой атмосферой были окружены в ареале гадания, предполагающие связь его участников с потусторонними силами. По мнению большинства исполнителей, они «действительно сбывались» (Е. Е. Симонова, К. Е. Вершинина, З. В. Хлебникова, с. Хлебниково, Мари-Турекский р-н и др.)¹ Поэтому и рассказы о подобных гаданиях (ворожбе в терминологии жителей) обычно сопровождаются быличками, приоб-ретшими поистине характер «общих мест».

Приведем наиболее яркие примеры «извлечения» из глубины традиции вслед за определенным типом гадания и строго определенной былички.

¹ Полные сведения об исполнителях, месте записи и собирателях см. в электронном архиве кафедры «Фольклор вятских переселенцев РМЭ: традиции и современное состояние» (<http://folklore.marsu.ru/>).

ГАДАНИЕ

«В полночь брали ожег из бани и зачерчивались им на развилке дорог, приговаривали: «Наши — в круге, ваши (т. е. нечисть) — за кругом!»; ложились на землю, слушали: вой — к беде; колокольчики — к свадьбе».

С данными гаданием связана целая серия быличек.

«Я сама, девчонки, это видела. Однажды пошли мы ворожить. Один парень очертил круг ожегом (им в печи ворошат) и сказал: «Наши — в кругу, не наши-то — за кругом!» Пришел домой-от, а свинья (нечистый) все ворота изгрызла. Вот ведь как!» (Н. Д. Михеева, д. Тушнурята, Новоторьяльский р-н).

«В Святки раз ходили девушки ворожить. Легли под свинью (подвешенную свиную тушу), стали слушать. А свинья вдруг начала потягиваться, все до них хотела дотянуться. Девушки испугались, побежали, чуть успели дверь захлопнуть. Свинья дверь грызть стала, а дверь-то заговорила с нею, все рассказывала, как хлеб жнут, молотят, веют, сушат, мелют, пекут. Не утерпела свинья, так и ушла ни с чем» (Н. Д. Михеева, д. Тушнурята, Новоторьяльский р-н).

«Люди рассказывают. Пошли девки на перекресток гадать. У одной ноги не ходили, так ее на санках привезли. Как зачертили ожегом — вдруг ... как завыло, заревело, что-то поднялось! Девушки побежали, и безногая за ними. Вот ведь как!» (Н. Д. Михеева, д. Тушнурята, Новоторьяльский р-н).

«Это, девчонки, чистая правда. Мой отец сам рассказывал. Раз девки пошли ворожить, ну и парни с ними. Надо ведь круг очертить. И вот один парень пошел в баню за ожегом. Бани тогда не как сейчас, далеко от изб-то стояли. А в бане девка на него бросилась и ну пристала: «Возьми да возьми замуж!» Парень вырвался, убежал. Пришел домой, а она все из головы не идет, совсем замучился. Рассказал все родителям, те и говорят: «Ну что теперь делать, женись. Ведь девка она?» — «Девка!» Ну и женился. Живут. Ладно.

Пришла масленка. Все молодые к родителям идут, положено так. Он и скажи: «А нам и идти некуда!» Она отвечает: «Почему некуда, пойдём!» Вот и пришли. Изба. В избе — люлька, в ей младенец кричит. Она раз! Люльку перевернула. Ребенка — швырк ногой ... и покотился. Ребенок

страшной: головка длинная, зубы торчком (показывает), ножки тоненькие. Я сама, девки, таких ребенок видела в соседней деревне. ... А ребенок-то и начал расти. До потолка! Она и говорит: «Вот вы кого кормили!» (Н. Д. Михеева, д. Тушнурята, Новоторьяльский р-н).

Быличками, но уже с некоторыми элементами смеховой культуры, сопровождались и гадания, в основе которых выслушивание [здесь и далее терминология А. А. Ивановой: Иванова 1995, 74]: под окнами (по разговору в доме судили – богатая или бедная будет жизнь), под колодцем (на какое мужское имя раз-дастся тот или иной звук), у печки (призывали чертей назвать имя жениха), с сочнем (выходили на улицу и у первого встречного мужчины спрашивали имя — так будут звать и жениха); на розверти (по определенному набору звуков определяли — состоится свадьба в этом году или нет; при осуществлении данного гадания обязательно присутствие венчанного человека); высматривание: в зеркале, в стакане с водой, в книге, по шерсти овцы, по волоску, оставшемуся в лунке при верчении на пятке, и др.; направление: по носку валенка, по падению бастрика (длинной жерди) и др.; по движению гадающего после верчения его в кадушке; счет (обхватывали тын, считали: «сусек», «мешок», «котомка») и др.; вещей сон: клали под голову определенный предмет (колодец из спичек, поясок, кусочек хлеба, конфету) и приговаривали: «Суженый-ряженный, приходи колодец строить (поясок развязывать, конфету доедать и т. п.)», «кто приснится, тот и жених»; поведение животных/птиц (приносили курицу и петуха/одного петуха, накрывали кадушкой, смотрели: дружно клюют зерно — семейная жизнь будет счастливой; к какому предмету (зерно, вода, уголь, ножницы и др.) пойдет петух, такова и профессия/поведение жениха).

ВЕЧЕРКИ

Вообще на вечерки (местные названия: «посядки», «посиделки», «супрядки») вятские переселенцы начинали собираться с момента окончания основных сельскохозяйственных работ: «посядки были, когда уже картошку выкопают, все на полях уделают» (Т. И. Ложкина, с. Хлебниково, Мари-Турекский р-н). Для их осуществления подбирались специальные помещения. В

Мари-Турекском районе, например, молодежь, как и на гадания, собиралась в караушке, в Сернурском и Куженерском районах снимали специальную избу, приносили хозяевам керосин, дрова, мыли полы.

Девушки сначала занимались работой, затем приходили парни, и начиналось веселье: «... идут, кто с самопрялкой, кому что вышивать. Тут и пряха, тут и жених сидит, потом гармошка, потом плясать пойдут» (Т. И. Ложкина, с. Хлебниково, Мари-Турекский р-н).

По мнению отдельных исполнительниц, посиделки и вечерки следует строго различать. Так, «на посиделки девушки приходили с работой: вязали, шерсть теребили. Но и играли, песни пели» (Л. Я. Черных, пос. Сернур). В отличие от посиделок, на вечерках не работали, но только «танцевали, песни пели» (Т. Г. Глазырина, пос. Сернур), главная же их функция заключалась в том, что они давали возможность молодым людям «дружить» (т. е. официально заводить и поддерживать знакомство).

Вообще вечерки — одно из любимых развлечений крестьянской/сельской молодежи ареала: «В три ряда сидели. Да еще женщины придут глядеть. Дышать нечем, увернуться негде, вот сколь много народу» (З. И. Зауселкова, д. Визимка, Куженерский р-н); «Ой, много собиралось: солтакские, ломские, на Визимке девки красивые, к празднику и с Мокрушей приходили» (М. А. Куклина, д. Визимка, Куженерский р-н).

В Куженерском районе получено достаточно много свидетельств о возрастной дифференциации молодежи на вечерках. З. В. Мочалова (д. Русские Шои) вспоминает: «Собирались: самые большие девки (17–18 лет), потом средние (12–14 лет), а потом уж поменьше, но те уж недолго — часов до 9 — и домой». О поведении девушек разных возрастов интересное уточнение принадлежит М. В. Комелиной (д. Юледур): «В 12–14 лет на лавках сидят, а в 16–18 уж участвуют». Самые молодые могли прийти с родителями. М. А. Куклина вспоминает: «Мать придет, ходишь, просишь: айда на вечерку. Одна-то боишься. Мать приведет, так на коленках и уснешь».

В фольклорном архиве кафедры русского языка, литературы и журналистики

Марийского госуниверситета имеются и весьма любопытные свидетельства о подростковых посиделках. Одно из лучших их описаний сделано А. С. Кропотовой (пос.Куженер): «В Рождество мы собирались в одну избу. Играли. Учились примерно в 3-м, 4-м классе. Лет двенадцать. Нас много соберется. В "Журавля" играли. Встает один в круг. Остальные поют:

Лонганерскому журавлю, журавлю
Длины ноженки пришибу, пришибу.
Журавли длинны ноги
Не нашли пути-дороги,
Они шли стороной, боронили бороной.
Борона железна, выбирай любезной,
Эта песня не проста —
Выбирай, пожалуйста.

Этот выбирает другого. Теперь другому поют (тот же текст, но звучит название другого населенного пункта — Т. З.). Пока не надоест, все поют».

Что касается святочных вечеров, то они отличались большим набором развлечений. Особенно популярными были песни с движением «вправо — влево (собственно "гулевые", "гулевские", "гуляные" или гуляцкие)": "гулевые" от "гулять": по избе под песню прохаживались по двое — кавалер с барышней» (Фольк. анс. «Веселые бабушки»); «Парень девушку вызывает, девушка — парня. Проходят под песню. Такие песни и назывались гулевыми» (Н. П. Михеев, д. Б. Пиштанка); «Гулевская песня — значит, песня, которую поют во время гуляния. Парень и девушка, стоя лицом друг к другу и держа за руки, ходят вправо и влево. Так ходят несколько пар» (Н. В. Касьянова, с. Хлебниково). Затем шла группа игровых, известно исполнение некоторых из них и во время летних хороводов, и, наконец, песни плясовые. Поскольку святочные вечерки отличались относительной свободой по сравнению с обычными, на них допускалось исполнение неприличных песен типа «Морковки», «Раз полоску Маша жала», «Упираю батожком» и др. Завершались вечерки также специальными «разводными» песнями.

МАСЛЕНИЦА

В Вятской губернии Масленица отмечалась за семь недель до Пасхи и делилась на маленькую (с понедельника по среду) и большую (с четверга по воскресенье) [Иванова 1995, 118]. Среди вятских переселенцев Марий Эл сохранились

представления о последней: «Масленица у русских начинается с четверга. В четверг, пятницу, субботу идет гулянье, а в воскресенье разговляются» (Т. Г. Глазырина, п. Сернур); «Начиналась у нас Масленица с четверга: четверг, пятница, суббота. В воскресенье — масленичное заговенье» (К. А. Мошкина, пос. Сернур). Названия дней, за исключением прощенного воскресения, не сохранились. Ушло в прошлое и представление о необходимости строго соотносить с определенным днем недели определенное ритуальное действие (понедельник — встреча, вторник — заигрыши, среда — лакомка и т. п.). Н. М. Гордеева утверждала: «Начинали праздновать поразному: со вторника, среды ... некоторые — даже с пятницы!» (п. Хлебниково, Мари-Турекский р-н).

Обычное название праздника — Масленка. В памяти жителей он остался как одно из самых ярких событий года: «Какой широкий праздник! Целый день колокола звонят!» (К. А. Вершинина, с. Хлебниково, Мари-Турекский р-н); «Уж в Масленку весело было!» (Е. Е. Симонова, с. Хлебниково, Мари-Турекский р-н).

Среди традиционных обрядовых действий можно выделить следующие: изготовление масленичной еды, катание на лошадях, катание с гор на шестах, костры из соломы, изготовление чучела и его сожжение, вождение хороводов.

Но главным развлечением было, безусловно, катание на шестах. В материалах экспедиций МарГу имеется большое количество свидетельств об их изготовлении и названиях. Например, в Сернурском районе известны так называемые «ледяные сани» — «толстые, длинные полозья; их обливали водой и катались» (Г. В. Селюнина, пос. Сернур); «покоты» — «большие два колена с горки» (Т. В. Глазырина, пос. Сернур); «тройки» — «складывали крепко в виде колодца, с них жерди» (А. Г. Ведерникова, пос. Сернур), собственно шесты. Об их изготовлении рассказывали следующее: за неделю до праздника «собирались взрослые мужики» и сколачивали своего рода сруб, но «не столь плотно сбитый, щели, конечно, были < ... >, но все равно делали почеловечьи, чтобы людей не нарушить. На городок было легко подняться — приступочки делали. Затем протягивали шесты, их обязательно шкурили, скрепляли

так ловко, что швы были почти незаметны, шесты заливали водой (Е. Е. Симонова, с. Хлебниково, Мари-Турекский р-н). «Помню, сначала угоры поливали, а потом шесты делали: жерди длинные-длинные, еще не одну, а две сростят. Тут и городок сделают, чтоб повыше было и тоже из жердей. По ним и катались: один с одной стороны, другой — с другой. Хоть девка с девкой, хоть парень с девкой, берутся за руки — и покатались по этим жердям далеко-далеко» (Р. И. Мошкина, пос. Сернур); «Шесты делали так: жерди ошкуряют, они становятся гладенькие. Их полют — они подмерзнут. И лапти намочим, чтоб замерзли. Если горы нет, ставили шесты горбом среди деревни, а вниз — воз соломы. Брались за руки двое — и скатывались вниз. Катались и пожилые, и молодые, и мужья с женами» (Л. Я. Черных, пос. Сернур).

В Новоторъяльском районе устраивали «катушки» (своеобразная карусель): подсыпали снег, втыкали в него кол и заливали водой, на конце кола закрепляли колесо от телеги, от него шли «шестики» (для сидений); за ручки толкали и крутили по кругу.

Во время катаний кричали: «Масленка, на гору!» Играли. Парни выхватывали лотки у понравившихся девушек, тем приходилось подниматься вслед за ними на гору и целовать «обидчиков». Целовались и во время спуска с гор. На горах обычно юноши «присматривали невест».

Сохранились и представления об обязательности приглашения на масленичные развлечения молодоженов. Так, в Мари-Турекском районе широкую известность получил обычай «поднимания молодых». Он заключался в том, что присутствующие на их свадьбе гости уже в период масленичных гуляний должны были «поднять», т. е. «пригласить молодых на гору» (Е. Е. Симонова, с. Хлебниково). Их валяли в снегу, заставляли целоваться (Е. И. Кокорина, с. Хлебниково). Были специальные люди «позвы», которые водили молодых в гости: «Молодые, которые нынче поженились, их надо было обязательно в Масленку звать. Позовут молодых, угостят. Потом в другой дом пойдут. В общем, кто на свадьбе был, всех приглашали. По всей деревне ходили» (И. В. Юрьев, с. Алексеевское).

Деформация ряда обрядовых компонентов Масленицы привела к их своеобразному совмещению в день «Прощеного воскресенья». Так, в последний день Масленицы в ареале производили как бы ее встречу (изготовление чучела) и одновременно проводы (сожжение чучела). М. С. Юрьева (с. Алексеевское, Мари-Турекский р-н) рассказывала: «раньше ведь нарочно (специально — Т. З.) рожь хвостали, сноп-то оставался. Наденут [на него] шапку, фуфайку. Все снаряжали. По деревне провезут Масленку в санях. И где гора была — сожгут».

Многочисленны свидетельства о кострах. Их также жгли на Прощеное воскресенье: «Как прогорят — все прощаются» (В. Ф. Поликарпова, с. Алексеевское, Мари-Турекский р-н). Обычно жгли солому: «В последний день привозили солому и складывали внизу у шестов. Вечером солому вертывали, поливали керосином и поджигали. Все кричали: «Масленка прошла!» (Т. И. Ложкина, с. Хлебниково, Мари-Турекский р-н). Солому могли поджечь и спустить с горы, через горящую солому скатывались на коньках (специальных салазках), разламывали шесты и сжигали вместе с соломой. Делали шесты с соломой (разновидность факелов. — Т. З.). Около них играла гармошка, плясали (Н. М. Гордеева, с. Хлебниково, Мари-Турекский р-н).

К единичным свидетельствам (Новоторъяльский р-н) можно отнести катание на качелях (парни раскачивали девушек до тех пор, пока те, визжа от страха, не выдавали имя возлюбленного), строительство снежных крепостей подростками, а также упоминания о действиях эротического характера (дед Фома прятал скрипку в брюки; когда его просили сыграть, отвечал двусмысленностями).

Завершалось празднование Масленицы вождением хороводов: «Только около шестов — и немного» (З. В. Мочалова, д. Русские Шои, Куженерский р-н); «Бабы приходили, в круг играли. Ой, тогда весело было, не как сейчас» (А. А. Киселева, д. Русские Шои, Куженерский р-н).

Участникам экспедиции удалось записать несколько сюжетов масленичных песен: «Как мы Масленку встречали», «Масленица-обмануха» и др.

ВЕСНА

В нашей коллекции лишь небольшое количество свидетельств, относящихся к обрядам начала весны, большинство из них очистительного и оздоровляющего характера. По мере наступления весны, приближения большого весеннего праздника Пасхи количество различного рода обрядов и соответственно описаний религиозного характера увеличивается. С Пасхи начинают водить хороводы. И наконец, на данный период приходится главный в данном регионе праздник года — Троица.

В народном календаре северо-восточной части Марий Эл можно выделить несколько устойчивых и подвижных (в зависимости от сроков Пасхи) дат, связанных с наступлением весны.

ЧИСТЫЙ ПОНЕДЕЛЬНИК

Отмечен очистительными обрядами: «Бани топили, стирали, прибирались» (П. Г. Богатырева, Русский Кугунур и др.) Известен шуточный обычай привязывания веников к лошадям загостившихся в ночь на чистый понедельник гостей: «не вовремя загулявших» провожали на лошадях, а к дугам привешивали веники (Н. М. Гордеева, с. Хлебниково Мари-Турекский р-н); если гости уходили «своим ходом» — веники вешали за спины, «так они и идут по деревне» (А. С. Колобова, с. Хлебниково Мари-Турекский р-н). Данной участи не могли избежать и ближайшие родственники. Н. П. Михеев вспоминал: «Зять заночует с воскресенья на понедельник — и ему привяжут веник на дугу, и должен ехать!» (д. Б. Пижанка).

На первой неделе поста еще оставались в центре внимания молодые пары. Они имели внимание прийти к родителям «с тюрями» (пожаловаться, если в семейной жизни что-то не ладилось (Е. Е. Симонова, с. Хлебниково Мари-Турекский р-н).

9 МАРТА

В ареале значимой датой стал и день 9 марта (по ст. ст.) — в церковном календаре день памяти 40 севастиийских мучеников. Именно с этой датой связывали приход весны: выпекали из теста жаворонков, куликов и обязательно сорок мучников. Рецепт их изготовления следующий: на пшеничный сочень клали яровой и выпекали. Мучниками угощали родственников и знакомых, их разрезали и давали скоту, чтобы не болел. Кроме того, на день

сорока святых в этом районе обязательно деньги считали – к богатству; мусор собирали в фартук и выкидывали на солнце — не будет ссор; от порога спиной пол мели — куры в чужой огород ходить не будут. Наблюдали за прилетом скворцов. Если молодые люди видели скворцов, летящих парой, — «брачиться»; если пожилой человек видел одиноко летящего скворца — к смерти.

У жителей Мари-Турекского района также сохранено представление о необходимости на Евдокию (1 марта) и Сорок Сороков (9 марта) выпекать из пресного теста птичек. Одно из самых подробных свидетельств принадлежит Д. З. Заболотских: «[Жаворонков] старались выпекать в каждом доме. Выходили всей семьей на улицу, каждый нес жаворонка, а говорила больше хозяйка:

— Весна Красна! Приди с радостью, с хлебами высокими! Приди, приди, Весна Красна! Принеси нам солнце. Пока она говорит, остальные их раздавливают (крошат. — Т. З.), как будто птицы должны прилететь и (склевать) наших жаворонков, тогда они будут (прилетевшие, настоящие птицы. — Т. З.) хранителями дома и семьи».

О веснянках уже никто не помнит, но многие из исполнителей говорили о том, что некогда были специальные слова, «приглашали птиц, чтобы они принесли весну» (Д. З. Заболотских, с. Хлебниково Мари-Турекский р-н).

Е. Е. Симонова отмечала, что птичек пекли на Сорок Сороков, хранили их в амбарах до начала сева и во время посева яровых развеивали по полю.

25 МАРТА

Благовещение (25 марта по ст. ст.) в ареале фигурирует как «сердитый праздник». «На него птичка гнезда не вьет и девка косы не плетет» (М. Крестьянинова, с. Хлебниково, Мари-Турекский р-н); «Работать не надо — птица гнезда не вьет, девка косы не плетет» (А. Д. Смоленцева, д. Юледур, Куженерский р-н). Отмечены запреты на осуществление действий, связанных с нанесением вреда земле (в частности, втыкание кольев, вкапывание) и т. п. (Н. М. Гордеева с. Хлебниково, Мари-Турекский р-н).

СРЕДОКРЕСТЬЕ

Свидетельства об акциях средокрестья (выпекания крестиков и обходы дворов

детьми) зафиксированы только в Мари-Турекском районе. Закличек, с ними связанных, уже никто не помнит. Н. П. Михеев (Б.-Пиштанка) рассказывал, что верующие брали крестики собой в церковь, там их святили и «утром следующего дня съедали вместо причастия».

ВЕРБНОЕ ВОСКРЕСЕНЬЕ

Вербное воскресенье в ареале связывают с необходимостью «наряжать» данное деревце; собирали веточки деревца, ставили в воду, украшали самодельными цветами: «Вербочки наряжали. Сломишь — она трехцветочная. Сперва вертишь бумажки, нарежешь листочки» (П. Ф. Богатырева, с. Русский Кугунур, Куженерский р-н). Д. З. Заболотских рассказывала: «На Вербное воскресенье накануне хожу и приношу веточки вербы. Ищу самую пушистую, которая распустилась, делаю цветы бумажные, украшаю вербу и потом ставлю перед иконами» (с. Хлебниково, Мари-Турекский р-н).

В Мари-Турекском районе за вербой ездили на Вятку. К. Т. Акулова (д. Крупино) утверждала, что «там растет красная верба». Веточки святили и в церкви: «Цветочки сделаешь — и к иконам. Некоторые в церковь освящать носят. Потом стоит целый год» (П. Ф. Богатырева, с. Русский Кугунур, Куженерский р-н); «Серебряный крестик обмакивали в святую воду и обрызгивали вербу» (она же). Бытует и легенда, объясняющая данный обычай: «Когда Иисус Христос спускался на землю, он шел по веточкам вербы. Их клали ему под ноги. Вот поэтому воскресенье и называется Вербным, поэтому его и чтут» (Е. Л. Наумова, п. Хлебниково, Мари-Турекский р-н).

ЧИСТЫЙ ЧЕТВЕРГ

Обряды Чистого Четверга в ареале вмещали в себе очистительные, апотропеические и продуцирующие свойства. Особенно выразителен в этом плане рассказ А. А. Киселевой (д. Русские Шои, Куженерский р-н): «Умывались. В рукомойник положат яйца, денег, чтоб глаза не болели, лицо чистое было. Яйца сырые. Деньги серебряные. На печи сидеть нельзя, а то куры всё в огороде выгребут». Умывались, как правило, родниковой водой: «Каждый должен утром рано, только рано, еще до солнышка умыться этой водой. Это как бы очищает, дает здоровья» (Д. З. Заболотских, с. Хлебниково, Мари-Турекский

р-н). Кроме того, «Богу молились, деньги считали, чтобы они велись» (Ф. П. Шутылева, с. Басалаево, Куженерский р-н); «Били масло, сметану мешали, чтоб на столе постоянно были» (А. А. Киселева, д. Русские Шои, Куженерский р-н). Специфической чертой действий Чистого Четверга в ареале можно считать опрокидывание горшка на тын». Таким образом, по мнению большинства исполнителей, можно было уберечь цыплят — «варашу глаза закрывали» (П. Ф. Богатырева, с. Русский Кугунур).

ПАСХА

В пасхальной обрядности ареала еще усматривается соединение отдельных языческих и христианских черт: с одной стороны, игранье солнца, обходы домов, крашение яиц, гадания и игры с ними, катание на качелях и хороводы, с другой — крестный ход и всенощная.

Так, в Куженерском районе ранним утром смотрели на солнце: «Нас отец до свету будил. Смотришь: а солнце играет разным цветом» (А. А. Киселева, д. Русские Шои); «Солнце начинало такими переливами играть, как радуга. И красным, и желтым, и зеленым. И ходит так солнышко всю неделю» (А. И. Царегородцева, пос. Куженер). Большое значение придавалось «игранию солнца» и в Мари-Турекском районе. По данному явлению судили о плодородии, в целом о материальном достатке года: «Вставали, значит, и ждали восхода солнца. И действительно, происходит что-то необычное. В другие дни я такого не видела» (Д. З. Заболотских, д. Юмочка); «Солнце — то голубое, то красное, то желтое — и дрожит!» (Н. М. Гордеева); «Солнце играет: всяко трепещется, всяким цветам!» (М. С. Юрьева, с. Алексеевское); «Солнце играет на Пасху: эдак и эдак. Всяким, девки, ручьям, всякие ручьи по нему пойдут» (М. В. Стрельникова, с. Хлебниково).

В коллекции МарГУ также достаточно много свидетельств о крашении яиц, изготовлении собственно пасхальной (куличи) и поминальной (блины) еды. В Мари-Турекском районе, например, по словам Е. Е. Симоновой, «всего припасут». Специфически пасхальным угощением в данной местности считались крашенные яйца. Красили их луковым пером и специально продаваемой в церкви краской: и были они желтыми, зелеными, голубыми

и красными. На яйцах топленным маслом очень часто рисовали буквы «Х. В.» и «В. В.» и имена домочадцев. Подобные действия, как и при гаданиях на Рождество, породили ряд сюжетов быличек. Одно из хорошо окрашенных яиц клали на божницу, придавали ему значение оберега (от пожара, болезней, вообще несчастий разного рода). К праздничному столу обязательно подавали сыр, творог, собственно пасху (делали ее из творога, добавляли масло, ванилин, сахар, выкладывали в деревянную форму, на стенках «рисовали» кресты и буквы «Х. В.»).

После дневной трапезы «основное развлечение — качели и гармонь!» (А. С. Кропотова, пос. Куженер). «Без качелей — это не Пасха!» — восклицала А. Д. Смоленцева (д. Юледур, Куженерский р-н).

Качели в Куженерском районе делали для детей (прямо в избах или дворах) и на улице (для молодежи), часто используя стоящие рядом мощные деревья: «На два дерева, которые напротив друг друга стоят, накладывали и привязывали жердь. Вместо веревок — палки такие, сантиметров десять, чтобы рукой можно было держаться. Седелку деревянную приделывали. Девки тихо качались, а парни — наравне с жердью. Один убился до смерти» (И. М. Шутылев, д. Басалаево); «У нас в Кушнуре качель ставили между деревьями (два больших дерева — между ними жердь). В кузнице ковали железки, которые крепили жердь, чтоб не отпала. К ней присоединяли длинные палки. Не веревки — не порвутся! Садись вдвоем, втроем, вчетвером. Всяко качались!» (А. Д. Смоленцева, д. Юледур). К изготовлению качелей относились очень серьезно, а порой и с выдумкой: «Четыре ножки скрепляли крест-на-крест, образовывалась выемка, на которую клали перекладину, затем делали кольца из березы — «барашки». К качелям крепилось седелко» (Т. Г. Глушкова, пос. Куженер); «Круглую качель делали. Она кругом ходила, как карусель. Восемь человек садилось: поднимутся и опустятся!» (А. А. Киселева, Русские Шои). Е. Е. Симонова до сих пор удивляется сноровке и смекалке мастеров: «У качелей даже сиденье выдалбливали!»

В наших записях имеются свидетельства и об обходах домов на Пасху. Они были двух типов: со священником и без него. «В пасхальные дни, — рассказывала

Н. М. Гордеева, — ходил поп с иконой. На стол стлали хорошую скатерть, клали яйца, все вместе пели "пасху"» (Н. М. Гордеева, с. Хлебниково, Мари-Турекский р-н). Другой тип обхода домов представлен в рассказах Д. З. Заболотских: «На Пасху обычно ходили, чтоб крашеное яйцо получить. Заходили в дом, христосовались. В основном ходили дети» (Д. З. Заболотских, д. Юмочка, Мари-Турекский р-н).

В Куженерском районе на Пасху начинали водить хороводы: «Где только снег сойдет, кругом играем, песни поем» (Т. В. Акулова, пос. Куженер, Куженерский р-н).

Заканчивался собственно пасхальный день выстрелами: «Стреляли из ружья — чертей гоняли!» (Т. В. Акулова, п. Куженер, Куженерский р-н).

23 АПРЕЛЯ

Это день первого выгона скота на пастбище. Домашних животных обычно выгоняли освященной в церкви веточкой вербы: «Выгоняли вербами, которые в Вербное воскресенье набирали» (А. И. Царегородцева, пос. Куженер; А. А. Киселева, д. Русские Шои, Ф. П. Шутылева, с. Басалаево и др.); «Вербочку выносили, свечечку зажигали, скотину провожали» (А. И. Михеева, д. Салтакъял). Животных проводили через пояс (М. А. Куклина, д. Визимка), пояс с молитвой (М. С. Куклина, д. Визимка), пилу, при этом приговаривали: «Как пила пилит метко-редко, так чтоб скотина ходила метко-редко» (А. И. Царегородцева, п. Куженер); «в ограде вокруг скотины обходили» (А. И. Михеева, д. Салтакъял).

Об особом почитании пастуха и одаривании его не упоминалось.

Особым в данной местности было отношение к лошадям. Их выделяли и на Егория. Водили к воде и там святили: «Приходил поп, брызгал лошадей. Считалось, что после этого они не будут болеть» (Т. И. Ложкина, с. Хлебниково). На лошадях ездили и в церковь, где их также святили (К. Т. Акулова, К. А. Вершинина).

ТРОИЦА

В праздновании Троицы вятские переселенцы также сохранили довольно много черт обрядовой традиции региона. Не случайно попытки возрождения элементов традиционной культуры, в частности календаря в Кировской области и

в сопредельных районах РМЭ, связаны именно с данным праздником. От местных жителей мы не раз слышали о том, что в ряде населенных пунктов (уже на рубеже XX–XXI вв.) снова рубили березку, наряжали ее, пели «Александровскую березу», «Не на местечке береза вырастала» и водили хороводы.

В Сернурском, Мари-Турекском и Новоторьяльском районе РМЭ Троица — один из самых шумных и многолюдных праздников: «На гулянье собирались и молодые, и старики. Гуляли до утра с песнями, танцами, ходили в соседние деревни» (Г. В. Селюнина, п. Сернур, Сернурский р-н); «В Троицу — песни, хороводы!» (Т. Г. Глазырина, п. Сернур, Сернурский р-н); «Улица ломится от народу! Хоровод заведут — во всю улицу круг!» (А. Ф. Патрушева, д. Б.-Шаганур, Мари-Турекский р-н); «На Троицу народу много!» (Н. П. Михеев, д. Б.-Пиштанка, Мари-Турекский р-н); «Приходили из соседних деревень. Водили по три круга одновременно» (Е. Л. Наумова, с. Хлебниково, Мари-Турекский р-н).

Ритуальным деревцем, как и повсеместно по России, считалась березка. Необходимо отметить, что основные ритуалы, с ней связанные (украшение домов, заламывание березок, кумление, обрядовая яичница, чествование деревца, хороводы вокруг него, проводы березки, ее уничтожение, гадание по венкам и др.), совершались в течение недели. В Сернурском и Мари-Турекском районах, как и в случае с Масленицей, все они производились в один день. Только в двух свидетельствах (З. А. Соловьевой, с. Хлебниково, Мари-Турекский р-н и М. Крестьянинова, с. Хлебниково, Мари-Турекский р-н) отмечено, что березку чествовали в один день, а провожали на другой.

Сохранились в памяти жителей района и действия, связанные с самой сутью троичко-семицкой обрядности. К. А. Мошкина (п. Сернур) рассказывала: «Деревня наша — сорок домов. Так, в Троицу все выходили за деревню в лес. Все выйдут и мужчины, и женщины. Там лавки сделаны были, сиденья. Мужики сидели. И вот березку вырубят там. А девчата, у них ведь были косы, ленты. Из кос ленты выплетут и нарядят эту березку всю бантами. Мужчины ее выкупают и вокруг этой березки ходят и поют». Затем

с песней «По улице по новой» несут березку в деревню. С собственно троицкой обрядностью связывала данную песню и Р. И. Мошкина (п. Сернур): «Наша деревня была небольшая. Наш дом — с конца. И вот идут к нашему дому с песней "По улице по новой"». Песня сопровождалась игрой: «крайний выбирал себе пару через одного — и так проходят всю деревню» (она же). Песня «По улице по новой» звучала и в д. Ведоснур. С ней проходили по всей улице и устанавливали березку в пожарке (А. С. Костина, п. Сернур). Ближе к вечеру деревце «разряжали» — «каждая свою ленту берет» (она же), при этом повсеместно исполнялась песня «Не на местечке березка вырастала»:

Не на местечке березка вырастала,
 Ой не на месте, не месте да в чистом поле,
 Ой в чистом поле, в чистом поле да при угоре.
 В чистом поле, в чистом поле при угоре,
 Ой что никто к этой березе не сподойдет.
 Что никто к этой березке не сподойдет,
 Ой не сподойдет,
 Не сподойдет да не сподъедет.
 Не сподойдет, не сподойдет, не сподъедет,
 Ой подходили,
 Подъезжали да все торговцы.
 Подходили, подъезжали все торговцы,
 Ой все торговцы,
 Все торговцы да чернобровцы.
 Все торговцы, все торговцы, чернобровцы,
 Ой у березоньки коренья да оттоптали.
 Оттоптали, оттоптали, огрязнили,
 Ой все пруточки на веночки обломали,
 Все пруточки на веночки да обломали.

(Фольк. анс. «Ромашка»)

Вечером собирались еще раз: «Из сломанных березовых веток делали венки и кидали в реку. Смотрели, что станет: венки утонет — умрешь, плывет — долго жить будешь» (Г. В. Селюнина, п. Сернур); «Плели венки. Ведь и в песне поется: «Все пруточки на веночки обломали». Венки опускали в воду. У кого утонет, тот умрет» (Р. И. Мошкина, п. Сернур). При обламывании «веточек» у березки просили прощения: «Любим, уважаем, не обижайся, березка» (З. А. Соловьева, с. Хлебниково).

ХОРОВОДЫ

Хороводы, как и повсеместно на Вятке, начинали водить с Пасхи, но пик их приходился на Троицу. Особенностью хороводных увеселений данной местности было то, что в них принимали участие

люди всех возрастов, хотя, конечно, преимущество занимали молодые парни и девушки: «На середине девки гуляют. А по сторонам пожилые сидят, смотрят, как гуляют. Иногда и пожилые вставали в круг» (Е. Е. Симонова, с. Хлебниково). В основном представлен хорошо известный в Вятской губернии тип: девушки в кругу, парни по-за кругу: «Кругом ходят, за руки возьмутся, как коровой, а ребята по за кругу — в другую сторону. Как уж песня кончается, он хлопнет девке по плечу, и она выходит, и под ручку кругом ходят. И каждый, сколько парней есть, хлопнет, выбирает. А потом эта песня кончится, другую начинают» (М. С. Юрьева, с. Алексеевское); «Хоровод водили в два круга: внутри девушки, а по-за кругу парни и парочки» (Т. Г. Глазырина, пос. Сернур). Популярно и хороводное действие, получившее название «парня женить». Оно заключалось в следующем: парень ходил внутри хоровода, выбирал себе девушку, при этом исполнялась песня: «Хожу я, гуляю вдоль по хороводу, / Роза, роза, розочка, роза алая».

В троицкие хороводы одевались «как можно наряднее». Было принято менять одежду не менее трех раз: «В три наряда надо было нарядиться: до обеда, с обеда до вечера, а в вечеру — самое нарядное» (А. Ф. Патрушева, с. Б.Шаганур); «На Троицу меняли наряды — три пары шили, а некоторые — и четыре, чтобы показать — богатая невеста» (Н. П. Михеев, д. Б.Пиштанка); «Наряды очень даже меняли! Утром приходят в хоровод в одном наряде, до обеда поиграли, переоденутся, до ужина походят и опять переоденутся. У кого одежды много — даже среди хороводов передеваются. Раньше парни тоже на нарядных смотрели!» (А. П. Куимова, д. Сукма). Те же, у кого «одежонки было мало», в троицкие хороводы не ходили (Н. М. Гордеева, с. Хлебниково). К наиболее популярным хороводным песням в ареале можно отнести следующие: «Как по улице по шведской...», «Ехал пан...», «Как по мостику, мосточку», «По деревнюшке бочоночек катается», «По за саду», «Как у наших у ворот разыгрался хоровод...» и др. В терминологии исполнителей песни, исполняемые в хороводе, носят название Круговых.

ЛЕТО

«Плясала бы баба, да макушка лета настала» — эта поговорка вполне выражает отношение жителей ареала к возможности летних увеселений и праздников. Лето — время сенокоса, вызревания овощей и фруктов, уборки хлебов. Поэтому и большинство записанных нами обрядовых действий прямо соотносятся с определенными видами и сроками сельскохозяйственных работ. Выделяется в этом ряду один из ранних летних праздников — Иванов день, он по-прежнему окружен атмосферой таинственности. Участниками экспедиции записан ряд легенд и быличек о якобы зацветающем в ночь на Купалу папоротнике: «папоротник цветет ровно в 12 часов. Ходят, ищут папоротник. Но говорят, что мнится (мерещится — Т. З.) страшно. Если кто принесет цвет папоротника — его люди перестанут видеть и слышать: бери что хочешь!» (Н. М. Гордеева, с. Хлебниково). Помочь найти цветок папоротника может «кошка, но только черная, без единого белого пятнышка». М. И. Коршунова рассказывала: «У нас в деревне говорили, что на старой усадьбе есть клад. Там все кошка ходила. Одни у нас строились, им все материалов не хватало. Так вот хозяйка пошла на усадьбу за землей и выкопала четыре лопаты серебра!» (М. И. Коршунова, д. Юмочка). В Новоторьяльском районе также еще можно услышать рассказы о том, что на летний Иванов день цветет папоротник. В 12 часов ночи нужно прийти в лес, найти цветок и расстелить под ним скатерть. В нее и осыплются белые лепестки. Их можно использовать для ворожбы, различного рода заговоров (Н. Д. Михеева, д. Тушнурята). В Куженерском районе в Иванов день ходили за травами, совершали очистительные обряды. А. И. Царегородцева рассказывает: «Силы набирают травы, становятся целебными, здоровье дают, детям — радость. Собирали и папоротник. Не по одному — так не страшно. Утром купаться ходили» (А. И. Царегородцева, п. Куженер).

ПЕТРОВ ДЕНЬ

Много свидетельств отнесено к Петрову дню. Главным местом его празднования в течение длительного времени был Мари-Турек: здесь устраивался шумный базар, некоторые исполнители даже чаще использовали слово «ярмарка»,

устанавливались качели. Т. И. Ложкина рассказывала: «В этот день нас отпускали с работы пораньше. На поле надевали нарядную одежду, ее с собой приносили, и шли на базар» (Т. И. Ложкина, с. Хлебниково). Собиралась молодежь, «посидят кучками» (А. П. Маландина, д. Крупино). Иногда парни и девушки выходили и в лес, садились на поляне и пели. Е. Е. Симонова уточнила: «После Троицы хороры перестают водить. На Петров день уже только играют. Самой популярной была следующая игра: на одну сторону встают все девки, берутся за руки, а по другую сторону — парни. Перво-наперво идут парни:

Княгини, да мы до вас пришли.

Подойдут, поклонятся, вернутся.

Идут девки:

Бояра, да и зачем вы к нам?

Княгини, да нам невестушка нужна.

Бояра, да вам которая нужна?

Княгини, а мы сами [знаю] про себя.

А возьмите и уведите ее.

Возьмем и уведем же.

Заберут девок и расходятся».

(Е. Е. Симонова, с. Хлебниково).

ИЛЬИН ДЕНЬ

Сохранились представления, правда в пережиточной форме, об Илье как божества-громоука: «Когда гром гремит, говорят, это Илья-пророк на лошади едет» (Т. И. Ложкина, с. Хлебниково). Совершали обрядовые действия, направленные на защиту от грозы: «В церковь ходили, молились, чтоб грозы не было». Сохранился любопытный текст:

Во дворе стоят двенадцать колышков,

На каждом колышке

Двенадцать золотых маковок

На двенадцати маковках

Двенадцать ангелов сидят —

От грозы и ненастья защитят.

(А. И. Царегородцева, п. Куженер).

Одновременно упоминали и о необходимости в этот день готовить мясные блюда (отголосок жертвоприношения божеству): «На Ильин день всегда варили мясо. И обязательно резали какое-либо животное или птицу. Отдавали под свято место в церковь». Чаще всего «кололи барашка» (Т. И. Ложкина, Л. И. Маландина, Л. И. Колобова и др.).

В этот день в первый раз «копали картошку и дергали морковку» (Т. И. Ложкина, с. Хлебниково); «варили картошку,

пекли пироги с малиной» (Л. И. Маландина, д. Крупино).

Бытовало поверье: после Ильина дня нельзя купаться — «олень ноги обмочил». И наконец, на Ильин день посещали кладбище.

ОСЕНЬ

Живные обряды. Как и в большинстве регионов России, в данном ареале жат-ву начинала одна из женщин, «у которой была "легкая рука". Она делала прожинок и первый сноп (Е. Л. Наумова, с. Хлебниково, Мари-Турекский р-н). Особым было отношение к первому снопу». А. И. Царегородцева (пос. Куженер) вспоминала: «У нас дома большая икона была. Бабушка приносила сколько-нибудь колосьев, ну, штук двадцать, и маленький снопик завязывала. Стоял он до Пасхи. В Пасху зерна обмолачивали и пекли каравай, чтоб в закромах всегда хлеб был».

«Спожинки» начинались в середине августа и заканчивались к концу месяца: «Последний сноп поставят, оставят прялочку — тряпочкой или фартуком завернут Илье бородку. Этот сноп оставляли на поле. Потом приходил на поле священник, женщины молились» (Н. М. Гордеева, с. Хлебниково, Мари-Турекский р-н); «Завязывали последний сноп Илье на бороду. Дома варили дожинальницу: на молоке делали яйца, добавляли немножко картошки или муку» (З. В. Хлебникова, с. Хлебниково, Мари-Турекский р-н). Отмечено небольшое различие в том, как «завивать бороду» на ржаном и овсяном поле: «кустик ржи завязывали фартуком, а кустик овса обкладывали крестиками из обмолотков» (Е. Е. Симонова, с. Хлебниково, Мари-Турекский р-н). Данный обычай начал исчезать только со времени организации колхозов. А. П. Куимова вспоминала: «Раньше завязывали кустики на своих полосах. Мы вошли в колхоз в 1934 году. Мать с бабушкой все говорили: "Ну, последний кустик завязали узлом"» (А. П. Куимова, д. Сукма, Мари-Турекский р-н).

На среднего Спаса молотили. «Хвостали» (т. е. поднимали вверх и с силой опускали). Е. Е. Симонова объясняла целесообразность подобных действий следующим образом: «На молотилке, вишь, зерно-то не целое, а хвостом-то целое». Жито нагребали в котомки и ехали к церкви. Около нее ставили столы, ссыпали рожь, а священники ее освящали»

(Е. Е. Симонова, с. Хлебниково, Мари-Турекский р-н).

Таким образом, несмотря на губительные для традиционного крестьянского быта и связанной с ним культуры события XX в., фольклор вятских переселенцев РМЭ поразили фактами хорошей сохранности значительного количества жанров (в том числе и из общего ряда известных русской волго-вятской традиционной культуре), а также отдельных уникальных образцов, их жизнеспособности и влиятельности. Региональное своеобразие, причем в границах современного состояния народного календаря, можно соотнести с преобладанием таусеневого обхода домов и соответственно кумулятивными таусеневыми песнями; с развитыми традициями ряженя и гадания; с репертуаром вечерочных (гулевых) песен; с разнообразием вариантов катания на шестах на Масленицу, сохранением ряда архаических черт Троицы и некоторыми другими. Что касается художественной ценности произведений русского народного календаря Республики Марий Эл, то состояние текстов, записанных на данной территории, подтверждает выводы исследователей, работающих с произведениями классического фольклора в других регионах России. Изменилась направленность ряда жанров: на первом плане оказались произведения, выполняющие познавательные, информативные, коммуникативные функции. В большинстве случаев утрачена и мифологическая подоснова действия, в результате многие обрядовые формы перешли на положение игровых. Практически во всех жанрах обращает на себя внимание процесс их семантического обновления: старые формы обновляются новым содержанием. Значительно упростилась и традиционная образность, утрачены художественные приемы, по той или иной причине не актуальные для нового времени.

Необходимо отметить, что к настоящему моменту материалы фольклора вятских переселенцев оцифрованы и представлены в виде электронного образовательного ресурса на сайте МарГУ (<http://folklore.marsu.ru/>); результаты исследования отражены в серии публикаций республиканского, российского и международного уровней, стали основой экспериментальных исследований в области образования и культуры РМЭ.

Источники и материалы

Фольклор вятских переселенцев РМЭ: традиции и современное состояние. URL: <http://folklore.marsu.ru/> (дата обращения: 21.05.2019).

Исследования

Иванов 1991 — *Иванов А. Г.* Очерки по истории марийского края XVIII века. Йошкар-Ола, 1995.

Иванова 1994 — Вятский фольклор. Народный календарь / Под ред. А. А. Ивановой. Котельнич, 1995.

Золотова 1997 — *Золотова Т. А.* Таусеневые песни русских Поволжья: региональное своеобразие и межэтнические связи. Йошкар-Ола, 1997.

Козлова 1963 — *Козлова К. И.* Этнография народов Поволжья. М., 1964.

Козлова 1978 — *Козлова К. И.* Очерки этнической истории марийского народа. М., 1978.

Поздеев 1998 — Энциклопедия земли вятской. Т. 8. Киров, 1998.

Путилов 1994 — *Путилов Б. Н.* Фольклор и народная культура. СПб, 1994.

Смирнов 1889 — *Смирнов И. Н.* Черемисы. Историко-этнографический очерк. Казань, 1889.

© Т. А. Золотова,
Н. И. Ефимова,
Е. А. Плотникова,
2019

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Золотова Т. А. <https://orcid.org/0000-0003-3734-1514>

Доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка, литературы и журналистики Марийского государственного университета: Российская Федерация, Республика Марий Эл, 424000, г. Йошкар-Ола, пл. Ленина, д. 1; тел.: +7 (8362) 68-80-02; тел.: +7 (8212) 20-17-02; e-mail: zolotova_tatiana@mail.ru

Ефимова Н. И. <https://orcid.org/0000-0002-6906-282X>

Кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии Марийского государственного университета: Российская Федерация, Республика Марий Эл, 424000, г. Йошкар-Ола, пл. Ленина, д. 1; тел.: +7 (8362) 68-80-02; e-mail: nordragon@mail.ru

Плотникова Е. А. <https://orcid.org/0000-0002-7798-5237>

Кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка, литературы и журналистики Марийского государственного университета: Российская Федерация, Республика Марий Эл, 424000, г. Йошкар-Ола, пл. Ленина, д. 1; тел.: +7 (8362) 68-80-02; e-mail: kati_miracle@mail.ru

TRADITIONS OF RUSSIAN FOLKLORE IN MARI EL REPUBLIC (FOLK CALENDAR OF RUSSIAN MIGRANTS)

TATIANA A. ZOLOTOVA

(Department of Russian Language, Literature and Journalism, Mari State University: 1, Lenina sq., Yoshkar-Ola, 424000, Mari El Republic, Russian Federation)

NATALYA I. EFIMOVA

(Department of English Philology, Mari State University: 1, Lenina sq., Yoshkar-Ola, 424000, Mari El Republic, Russian Federation)

EKATERINA A. PLOTNIKOVA

(Department of Russian Language, Literature and Journalism, Mari State University: 1, Lenina sq., Yoshkar-Ola, 424000, Mari El Republic, Russian Federation)

Summary. *The given article contains a description of calendar rites (winter, spring, summer and autumn) within one and the same local tradition. The material presented was collected in the area of the northeastern part of Mari El Republic (Mari-Turekskiy, Novotorjal'skiy, Sernurskiy, Kuzhenerskiy, partially Kilemarskiy regions) according to a programme of ethnographic expeditions of Mari State University conducted by professor Tatyana Zolotova from 1980s till present. Chronologically, the materials correspond to the calendar folklore of the 1920-1930s. Conclusions concerning regional peculiarities are drawn on the ground of consistent juxtaposition of certain ritual actions of all settlements within one region, of regions themselves, and of the whole calendar of Vyatka's migrants with calendar rites and folklore of Kirov region. Among the ritual actions and texts, descriptions of fortune telling and mummers on Christmastide, katanie na shestah on Maslenitsa, actions with the Trinity birch tree, texts of podbljudnye fortune telling, youth party songs (vecherochnye, gulevye), round dance and trinity songs might be of a peculiar interest to a specialist in the field of ethnography.*

Key words: folk calendar, Mari El Republic, migrants of Vyatka, ethnographic descriptions, texts, analysis.

Acknowledgements. *The reported study was funded and conducted as a part of the research work implementation of the governmental task of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation (No. 34.7602.2017 (8.9) and within the frames of the grant awarded President of Russian Federation for support of young Russian scientists — candidates of science (MK-2019).*

Received: July 25, 2019

Date of publication: December 10, 2019

For citation: Zolotova T. A., Efimova N. I., Plotnikova E.A. Traditions of Russian Folklore in Mari El Republic (Folk Calendar of Russian Migrants). *Traditional culture*. 2019. Vol. 20. No. 5. Pp. 35–52. In Russian.

DOI: 10.26158/TK.2019.20.5.003

References

Ivanov A. G. (1995) Ocherki po istorii mariyskogo kraya XVIII veka [Essays on the history of Mari region of the XVIII century]. Yoshkar-Ola. In Russian.

Ivanova A. A. (ed.) (1995) Vyatskiy fol'klor. Narodnyy kalendar' [Folklore of Vyatka. Folk calendar]. Kotelnich. In Russian.

Zolotova T. A. (1997) Tausenevyye pesni russkikh Povolzh'ya: regional'noye svoeobrazie i mezh•etnicheskiye svyazi [Tausenevyye songs by the Russians of the Volga regions: regional peculiarities and interethnic connection]. Yoshkar-Ola. In Russian.

Kozlova K. I. (1964) Etnografiya narodov Povolzh'ya [Ethnography of the Volga region]. Moscow. In Russian.

Kozlova K. I. (1978) Ocherki etnicheskoy istorii mariyskogo naroda [Essays on the ethnic history of Mari people]. Moscow. In Russian.

Pozdeev V. A. (1998) Entsiklopediya zemli vyatskoy [Encyclopedia of Vyatka land]. Vol. 8. Kirov. In Russian.

Putilov B. N. (1994) Fol'klor i narodnaya kul'tura [Folklore and folk culture]. St. Petersburg. In Russian.

Smirnov I. N. (1889) Cheremisy: istoriko-etnografichesk iy ocherk [Cheremisy: historical and ethnographic essay]. Kazan. In Russian.

© T. A. Zolotova,
N. I. Efimova,
E. A. Plotnikova,
2019

ABOUT THE AUTHOR

Tatiana A. Zolotova <https://orcid.org/0000-0003-3734-1514>

E-mail: zolotova_tatiana@mail.ru

Tel.: +7(8362) 68-80-02

1, Lenina sq., Yoshkar-Ola, 424000, Mari El Republic, Russian Federation

DSc in Philology, Professor, Department of Russian Language, Literature and Journalism,

Mari State University

Natalya I. Efimova <https://orcid.org/0000-0002-6906-282X>

E-mail: nordragon@mail.ru

Tel.: +7(8362) 68-80-02

1, Lenina sq., Yoshkar-Ola, 424000, Mari El Republic, Russian Federation

PhD in Philology, Associate Professor, Department of English Philology, Mari State University

Ekaterina A. Plotnikova <https://orcid.org/0000-0002-7798-5237>

E-mail: kati_miracle@mail.ru

Tel.: +7(8362) 68-80-02

1, Lenina sq., Yoshkar-Ola, 424000, Mari El Republic, Russian Federation

PhD in Philology, Associate Professor, Department of English Philology, Mari State University

This is an open access article distributed under the
Creative Commons Attribution 4.0 International
(CC BY4.0)